

УДК 371

СТЯЖАНИЕ ДОБРА (глава из книги «Трагический оптимизм»)

Евгений Александрович Ямбург,
*директор школы № 109 Москвы,
заслуженный учитель РФ,
доктор педагогических наук,
академик Российской академии образования*

*Нет ничего абсолютно мёртвого: у каждого смысла
будет свой праздник возрождения.*
М. Бахтин

В данном контексте термин «стяжание» понимается не в бытовом смысле (стяжательство — приобретение богатства и погоня за материальными ценностями), но в религиозном (стяжание благодати), в светской интерпретации как стяжание добра. Речь идёт о формировании эмпатии, толерантности, тех самых качеств человека, без которых невозможно представить себе зрелую личность. Коль скоро термин «толелантность» у нас не в почёте, то можно воспользоваться термином «великодушие» или той самой всемирной открытостью, о которой говорил Достоевский в своей Пушкинской речи. Кроме того, в статье речь идёт о нравственном выборе каждого отдельного человека, который возможен всегда, даже в самых невыносимых обстоятельствах.

• стяжание • эмпатия • толерантность • великодушие • нравственный выбор • Ленинградская блокада • Великая Отечественная война

Эта глава создавалась на основе воспоминаний детей, очевидцев тех трагических событий. Их родители по понятным причинам предпочитали

молчание. Но, став взрослыми, эти дети с разной степенью подробностей воспроизвели их краткие и порой сбивчивые

рассказы, ряд которых и вовсе дошёл до меня через третьи руки, поэтому восстановить имена «первоисточников» уже не представляется возможным. Но и, будучи «анонимными», эти воспоминания остаются ценными свидетельствами эпохи и дают основания для размышлений.

Попробую зафиксировать их в сжатом виде. Это особый, не скрою, самый дорогой для меня раздел книги. Почему? Да потому что он рождает надежду. Для начала поясню смысл его названия.

Человек человеку — кто?

Это было недавно, в V в. до н.э. мудрец Диоген вылез из своей бочки и шокировал сограждан тем, что среди бела дня передвигался по городу с горящим факелом, возглашая при этом: «Ищу человека!» Сограждане, созерцая этого чудака, крутили пальцем у виска. Тот ещё провокатор!

Впрочем, никакой бочки не было, а было скромное убежище, которое сегодня именуется *hostel* — спальное место без дополнительных удобств в комнате.

И никакой Диоген не провокатор, а первый в истории человечества акционист. Акционизм как форма современного искусства, стирающая грань между искусством и действительностью, возник в 60-е годы XX в. Так что современные акционисты, претендующие на ноу-хау, могут отдыхать, отдав пальму первенства Диогену.

Получается, что вся история человечества прошита насквозь связующими нитями. «Но не прервать связующую нить. Она дрожит во мне и не сдаётся» (В. Егоров «Друзья уходят»). Потому первоначально я хотел назвать этот раздел «Красной книгой», но мгновенно осёкся, ибо в Красных книгах обыкновенно фиксируются исчезающие виды животных или растений. А я поведу речь о неисчерпаемом добре, которое не видит только слепой.

*Палкой щупая дорогу,
Бродит наугад слепой,
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображён:
Дом, лужок, забор, корова,
Клочья неба голубого —
Всё, чего не видит он.*
(В. Ходасевич «Слепой»)

Из ада в ад

Всё начинается с Ленинградской блокады, с голода и с промёрзших стен детского дома № 12.

Зимой 1941–1942 здесь жили малолетние сироты и дети тружеников тыла. Это только кажется, что в детдоме всегда плохо. В блокаду здесь было в чём-то даже лучше. О тебе позаботится государство, оно будет тебя кормить, а при случае эвакуирует куда-нибудь подальше от смерти. Погрузит в чёрный товарняк, который поползёт по белой от снега железной дороге через Ладожское озеро на Большую Землю. И жизнь тогда «качнётся вправо, качнувшись влево» (из «Рождественского романа» Иосифа Бродского).

* * *

С ноября 41-го по март 42-го из города по Дороге жизни (это уже почти официальное историческое название маршрута Ленинград — Борисова Грива — Жихарево) эвакуировали примерно полмиллиона жителей. Обитателей детского дома № 12 поезд увёз в апреле. Они отправлялись на юг, в горы, которые тогда казались большими и безопасными. Тем временем до немецкого наступления на Кавказ оставалось около четырёх месяцев.

Железнодорожный состав не ехал, а именно что полз: осторожно, с частыми передышками и перерывами на время

авианалётов. В Краснодарский край поезд, вёзший воспитанников детдома № 12, вошёл как раз через четыре месяца, к началу форсированной военной операции нацистов и оккупации Кавказа. Оказывается, такие совпадения бывают не только в художественной литературе.

* * *

Под Армавиrom ленинградский товарный состав разбомбили.

В начале пути, в Ленинграде, пассажиров этого поезда было несколько сотен. Теперь оставалось не больше 80. Горстка воспитателей и сироты, младшему из которых не было и пяти, — отупевшие от горя, бесконечного голода и болезней, смертельно уставшие дети, явные «нежильцы». Им ещё три дня предстояло идти пешком до ближайшей станции.

Они дойдут, и администрация выделит им четыре обоза, запряжённых лошадьми, и нарисует очередной маршрут надежды: через посёлок Домбай на перевал, в Грузию. Дети понуро поплутуют в деревянных повозках мимо посёлков и деревень, а взрослые будут рыдать им вслед. Взрослые ведь знают, что нет впереди никакой надежды, одна глухая безысходность. Никого не спасти, не помочь и не обогреть, потому что оккупация, потому что зверствуют фашисты, потому что у каждого есть своя единственная жизнь, а может быть, и свои дети. А ещё у большинства этих детей — еврейские фамилии. Для гитлеровских командиров всё равно что чёрные метки.

Через какое-то время процессия разделилась на четыре группы. Решили, что так будет безопаснее, и расстались, не веря, что это навсегда. Больше они никогда не встретятся. Три обоза из четырёх покатятся прямо к смерти в пекло. Часть детей умрут от истощения ещё по дороге. Остальных найдут и расстреляют фашисты. Но тридцать два маленьких блокадника останутся в живых, потому что их повозка сойдётся с пути. Будет казаться, что это тупик, теперь уже окончательный. До тех пор, пока лошадь, запряжённая в подводу, случайно не забредёт в Бесленей.

* * *

На подъезде к аулу стоит повозка, накрытая брезентом. В ней — дети, чей внешний вид ошеломляет. Они истощены и облеплены слепнями, которых нет сил отгонять. Они молча лежат и почти не шевелятся. Володя Синицкий — светловолосый мальчик с синими глазами, как у мамы. На вид Володе не больше трёх лет. Он тоже лежит не двигаясь. К повозке кто-то подходит, заглядывает, охает и уходит. Через некоторое время здесь собираются незнакомые мужчины и женщины. Они переминаются с ноги на ногу и цокают языками. Володя лежит. А потом вдруг видит, как из толпы появляется она, мама. Живая и невредимая. Володя зовёт её и бросается обниматься. Она утешает его, а сама горько плачет.

Жительница Бесленей Цура Охтова, конечно, была ему никакая не мама. Она просто пришла вместе со всеми посмотреть на знаменитый обоз-призрак, о котором в округе уже слагали легенды. Женщина из редкой белоснежной породы черкешенок — со светлыми волосами и молочной кожей — вполне могла быть похожа на Володину маму, так что ребёнок обознался. Сначала Цура опешила. Потом испугалась. А потом решила, что гори оно синим пламенем, и забрала Володю домой.

* * *

Население аула в войну — женщины и старики, ожидающие известий с фронта. А значит, всё-таки матери и отцы. И в итоге всё как-то случилось само собой. Люди подходили к повозке и разбирали детей.

Вечером в селе собрался совет старейшин — главный сельский судебный и законодательный орган власти. Заседание продолжалось довольно долго, желание помочь детям никак не уживалось с соображениями о собственной безопасности. Но в итоге детей всё-таки

решили оставить в Бесленее, а их документы от греха подальше спалить. Селянам, взявшим на попечение беспризорников, приказали срочно сдать книги с данными о составе семьи. Всю ночь в местной управе несколько человек фальсифицировали документы и исправляли книги. Сразу после этого Володя Синицкий стал Володи́ей Охтовым, Катя Иванова — Фатимой Охтовой, самый маленький из всех, Марк, — Муссой Агержановым, Саша — Рамазаном Хежевым. Тридцать два бывших детдомовца еврейского и русского происхождения резко превратились в образцовых мусульманских детей.

* * *

А через месяц аул оккупировали немцы. Они не просто знали о пропавшей группе блокадников — они активно её разыскивали. С точки зрения здравого смысла это абсолютная дикость. Зачем взрослым мужикам, пусть и в нацистской форме, гоняться за малолетними детьми? Тем не менее в первый же день сельскому старосте было приказано содействовать в поисках. За сокрытие «нелегалов» угрожали расстрелами. Староста кивнул. Через пару часов на общем сходе он запретит выпускать ленинградцев на улицу в светлое время суток.

В сказке про спящую красавицу король, одержимый страхом перед предсказанием жестокой ведьмы, держит любимую дочь в заточении. У приёмных детей Бесленея случилось нечто подобное. Только у Кати Ивановой (Фатимы Охтовой) вместо высокой башни был подвал, у Володи Жданова (Цеева) — хлев на окраине аула. Вся жизнь в селе стала походить на шпионский роман, в котором все за всеми следят. Гитлеровцы — за черкесами, а черкесы — за гитлеровцами.

Каждый знает, что и в мирное время в селе каждая стена — глаза и уши. В оккупацию гитлеровские офицеры в Бесленее были под усиленным надзором местных бабушек. А информация о готовящихся обысках

на черкесском языке разносилась по аулу в секунды. Одну историю до того часто пересказывали местные жители, что она превратилась в народный фольклор. О том, как одна из матерей Бесленея, Цуца Шовгенова, посадила своих и соседских приёмных детей в огромный сундук, накрыла его одеялом, посадила сверху собственного маленького сына, которому велела ни за что не двигаться с места. Скоро в дверь постучали, а Цуца тут же уколола малыша булавкой. Ребёнок широко раскрыл глаза и заплакал. Гитлеровцу пришлось проводить обыск под оглушительный детский аккомпанемент. В конце концов, немец не выдержал и сбежал.

* * *

Изнурительная игра в кошки-мышки продолжалась бесконечные пять месяцев, вплоть до освобождения Северного Кавказа зимой 43-го. И отсюда начинается, наконец, длинная белая полоса. Фашистов выдавливают с оккупированных территорий. Через два года приходит известие о Победе. Гитлер пускает себе пулю в висок. В Бесленее подрастают дети. Они идут сначала в школу, потом поступают в техникумы и институты. Кто-то из них разъезжается по большим городам. Кто-то, как Володя Охтов, остаётся в ауле, чтобы ухаживать за стареющими родителями. Фатима Охтова (Катя) и Мусса Агержановы (Марик) оканчивают вузы и возвращаются домой. Они обзаводятся семьями и становятся учителями в сельской школе. Потом они стареют и умирают.

Здесь их помнят, их родителями гордятся. На въезде в Бесленей даже стоит небольшой монумент, изображающий черкешенку с приёмным ребёнком на руках. Адыгское культурное сообщество хочет, чтобы похожую скульптуру установили ещё и в Санкт-Петербурге. Они хотят рассказывать об истории своих героев. Успеть до тех пор, пока масштаб её не сузился в перспективе времени до размеров какой-то сказочной байки, в которую мало

кто верит. Потому что в жизни так не бывает. В том-то и дело, что бывает! Доказательство тому — новые новеллы, которые продолжают накапливаться.

«Моя вторая родина — Теберда»

«В Теберду я попал вместе с санаторием “Пионер”, эвакуированным из Евпатории в 1941 г., когда немцы приближались к городу.

С десятков лет назад, когда вдруг снова защемила душу тоска-печаль, послал я запрос в Евпаторию. Мне ответили: санаторий “Пионер” был уничтожен немцами в Теберде, несколько оставшихся в живых детей были переданы в санаторий им. Н. К. Крупской.

Вот я и есть из числа случайно выживших. Помню, как гестаповцы под командой офицера в чёрном плаще (недавно узнал его имя: обер-лейтенант Отто Вебер) загружали душегубку моими товарищами. Помню веранду, заваленную детскими трупами: мы погибали, лишённые пищи, лечения и элементарного санитарного ухода. Почему и как выжил, о том ещё расскажу. Но Теберда, исконная родина карачаевцев, стала и моей второй родиной. Вот почему я близко к сердцу принимаю всё, что касается судьбы карачаевского народа.

Санатории “Пионер” и “Красный партизан”, где лечились больные туберкулёзом дети командиров и комиссаров РККА, были размещены в “Доме шофёра” — здравнице работников автотранспорта (теперь — турбаза “Клухори”). Единственное тогда в курортном посёлке трёхэтажное здание, оно и в наши дни неплохо смотрится среди архитектурных новинок туристического комплекса “Теберда”. А до войны это было самое красивое и вместительное здание.

Но война снова докатилась до нас! Снова мы стали свидетелями воздушных поединков, а через Теберду в сторону Клухорского перевала, за которым была Грузия, потянулись беженцы. Все были буквально наэлектризованы ощущением вплотную приблизившейся смертельной опасности.

Собралась самостоятельно покинуть санаторий группа “ходячих” старшеклассников, комсомольцев из “Красного партизана”. Но в нашем “Пионере” были только “лежачие” в возрасте от трёх до двенадцати лет (лично я, семилетка, лежал в гипсе: не действовала нога).

И о нас словно забыли: никакой подготовки к эвакуации!

Мы оказались как бы на “ничейной полосе”: красные части без боя оставили курорт, где в разных санаторских корпусах находились почти две тысячи больных детей. Потрёпанная армия генерала Конрада приходила в себя в Черкесске: любимцы Гитлера, егеря дивизии “Эдельвейс”, готовились к штурму кавказских вершин и перевалов. Мы увидели их 14 августа и, лёжа на открытой веранде, стали бессильными свидетелями нашего санаторного хозяйства: из сарайчиков егеря весело тащили мешки с мукой, крупой и сахаром, с хохотом выкатывали из ледника бочонки с маслом и мёдом, азартно ловили куриц. Огородные грядки были раздавлены колёсами грузовиков, гусеницами танкеток.

Наш первый оккупационный обед: миска воды с ошмётками капустных листьев.

По соседству с нами находился дом отдыха “Большевик”, где и обосновался немецкий штаб. Для его охраны на площадке возле нашего “Дома шофёров” фашисты поставили пушку и прямо на крыше нашего третьего этажа установили зенитные пулемёты, причём тут же намалевали громадные красные кресты! Детей распахали по нижним этажам, а верхний превратили в казарму. Удобно им было сразу вскакивать на крышу по сигналу воздушной тревоги!

Через месяц-полтора нас немцы всё-таки вывезли на подводах на другое место с необычным названием Джамагат. Вскоре я осколком стекла раскромсал

свой гипс, освободил больную ногу и стал расхаживать в стенах здания, которое мы лишь в силу привычки называли санаторием: оставаться здесь стало невозможно. Ещё в первые дни оккупации работники санатория нам сказали, что наши личные документы уничтожены и чтобы мы, если начнутся расспросы, не откровенничали, кто наши отцы, а отвечали: колхозник, плотник, шофёр, грузчик. И вот такие расспросы начались: ходила важная комиссия в халатах поверх мундиров, с ними незнакомая, не из нашего отделения, врачаха, болтавшая по-немецки. Она действовала без угроз, задабривала конфетами. Кое-кто из несмышлёнышей проговорился, или та врачаха кое-что знала-помнила, или не все бумаги были уничтожены — кто теперь знает? — но дети стали исчезать: за ними приезжал фургон — зловещая душегубка. В первую очередь в неё погрузили детей еврейской национальности. Поразило меня вот что: здоровяк эсэсовец одной рукой подхватил трёхлетнюю, запеленатую гипсом, плачущую девочку, а другой рукой толкает ей в ротик шоколадку и вовсю заливается смехом: “Ту-ту!” — мол, не реви, сейчас поедешь.

Всё реже и реже мы видели кого-либо из обслуживающего персонала. Казённая еда состояла из горсточки варёной кукурузы или фасоли и маленького кусочка эрзац-хлеба. Многие дети уже выглядели полумертвецами. Мне повезло в том смысле, что по мальчишеским законам сплотилась рисковая стайка “ходячих” подростков постарше, и почему-то они приняли меня, совсем малыша, в свою компанию (наверное, потому, что я тогда наизусть помнил массу книжных сюжетов и стихов). Я же, как самый младший, больше надеялся на доброту карачаевских женщин. Никого не знал по имени, обращался по-детски: “тёточка”, “бабушка” — и вовек не позабуду их выразительные, полные сострадания глаза, их старческие и молодые руки, которые давали мне выпить кружку айрана или съесть кусок лепёшки, испечённой для своей, обычно многодетной, семьи. Если быть точнее, они давали мне шанс на спасение, на жизнь.

Запомнился и такой случай: полицаи зацапали на улице Толяна — “комиссара” из нашей ватажки, заметили у него под рубашкой ворованную макуху, окружили, гвалт подняли, плётками машут. Сердце у нас упало: выручить ничем не в силах. Вдруг приближается невысокий худощавый мужчина с мусульманской бородкой и на ходу начальственно что-то бросает по-карачевски. Полицаи сразу отвязались от Толяна.

Мы того бородача приметили, потом не опасались его.

Забегая вперёд, скажу, что только сейчас узнал я имя нашего спасителя — Абдул-Малик Джанибеков. До войны работал бухгалтером на лесопильном заводе, при немцах служил бургомистром в Теберде.

Малик был тесно связан с подпольём, с партизанами. По выданным им справкам люди спасались, уходили к своим в Зеленчук. Он выкрал у немцев список предназначенных для ликвидации членов советского партийного актива. Предупреждал подпольщиков о карательных облавах, уводил следствие гестапо в сторону.

Малик спас много еврейских детей, распределяя их по семьям местных жителей, которым доверял и которые доверяли ему.

Судьба его трагична: после войны он был репрессирован.

Всякое случалось, всего не пересказать. А болезнь запущенная всё-таки подкосила меня: нога совсем перестала слушаться. А раз не можешь передвигаться — ложись помирай. В этой истине я уже к той поре убедился крепко на близких мне примерах. Смутным было моё сознание в те две-три мои смертные недели. Опять же, чудо спасло: в начале января 1943 г. советские лыжники освободили Теберду. Помнится, что очутился снова в знакомом вестибюле “Дома шофёров” вместе с ранеными бойцами. Думаю, что именно карачаевцы подобрали меня и передали

нашим. Потом оказался почему-то не в своём, а в санатории имени Крупской. Дважды в том же 1943 г. меня уносили в палату “смертников” (безнадёжных) — и снова возвращали в общую: знать, оказался живучим.

В ноябре того же года до наших детских ушей дошла весть о поголовном выселении из Теберды всех карачаевцев. “Бандиты! Враги народа! Предатели!” — злобствовал кое-кто. А моя душа снова сжималась от страха перед чем-то непонятно грозным.

В 1945 г. нас вернули в Евпаторию, а ещё через год меня выписали. Очутился я в родной семье — маленький инвалид, но живой! От матери отвык, родившиеся без меня сестрёнки казались чужими. Отца узнал с трудом: после тяжелейшей контузии в боевой операции “Багратион” он тоже превратился в инвалида...» (Из воспоминаний Юрия Логинова.)

* * *

Понятно, что в фокусе накопления добра прежде всего неизбежно оказывается грозное военное время, когда наступает пик расчеловечивания, когда, казалось бы, для нормального индивидуума не остаётся никакого выбора, ибо перед ним впрямую встаёт грозный вопрос «быть или не быть?». Добро бы только для него одного. А если от его решения зависит судьба детей и внуков? Надо быть воистину отчаянным, чтобы подвергнуть такой опасности родных и близких.

Депортация

«Осенью 2 ноября 1943 г. был солнечный тёплый день. Жили мы тогда в с. Кызыл-Покун (ныне — Михайловка). Наш отец Хамид был на фронте, служил в конной кавалерии. Дома находились моя мама — Хаулат; старшая сестра Сапият десяти лет; брат Магамед восьми лет; я, Азрет, шести лет; пятилетний брат Со-слан и самый младший брат — годовалый Аслан. У нас было большое хозяйство: коровы, телята, куры; картошка ещё была не выкопана. В тот день мама с сестрой занимались домашними делами, а мы играли во дворе.

И вдруг останавливается грузовая машина около нашего дома, оттуда выходят воору-

жённые солдаты во главе с офицером, заходят в каждый двор и дают команду быстро собраться и в течение двух часов освободить наш дом. В деревне начался переполох, было объявлено, чтобы брали только необходимые вещи в дорогу. Мама с сестрой торопливо собирали всё, что попадалось под руки. Нас всех быстро загнали в грузовую машину, в каждую из которых размещали по три-четыре семьи. Всем процессом погрузки руководили офицеры. Старики были в отчаянии, женщины и дети плакали.

Привезли нас в Кисловодск на товарную станцию поздно вечером. Что там творилось, трудно описать...

На станции стояли вагоны, обычные, деревянные, на которых перевозили скот. Они совершенно не были приспособлены для перевозки людей. Всех карачаевцев забивали в вагоны максимально плотно, пока могли уместить. Я смутно помню, сколько времени мы там провели, но, когда все вагоны были заполнены, нас повезли в Среднюю Азию. Где-то две недели ушло у нас на дорогу. Много было людей, которые в пути умирали: старики, старушки, новорождённые дети и т. д. Близким не давали возможности нормально похоронить их, просто, когда уже невозможно было ехать с трупами в одном вагоне, их выбрасывали из поезда. Не было ни умывальника, ни туалета, ни даже воды. Иногда давали нам чуть-чуть селедки, люди мучились от жажды. Если где-то на станции была остановка, сопровождающие военные давали немножко воды. Иногда в степях делали короткие остановки, люди выбегали по нужде, не стесняясь друг друга.

Вот таким образом нас привезли в Среднюю Азию в 1943-м. В тот год там выпал такой глубокий снег, какого азиатский народ никогда не видел в своей жизни. Голод, холод, нищета, болезни — народ начинал умирать.

Нас поселили на заброшенной даче: ни окон, ни дверей, ни печек, ни дров, ни воды — все перебивались как могли. Люди умирали от голода и от основной болезни — холеры, с каждым днём всё больше и больше, так что некому было их хоронить, кроме женщин.

Наш отец так и остался без вести пропавшим. Мама работала в колхозе, где обрабатывала сахарную свёклу. На трудодни давали чуть-чуть сахара, свёклы, зерна. Налоги были большие. Когда мама и сестра начали приносить домой некоторую сумму заработанных денег, мы переселились к одной старушке, которая жила одна, так как её сын был на фронте. А когда он вернулся с фронта, нас оттуда прогнали. Пришлось опять искать место для жилья. Одним словом, квартиру меняли пять-шесть раз до 1953 г. В 1953-м мы купили двухкомнатную землянку, где прожили до 1958 г.

Больше половины вывезенных погибли. Узбеков и казахов ещё до приезда карачаевцев напугали, что это варварский, зверский народ, поэтому сначала они нам даже огонь не давали. Но наши люди трудолюбием и человеческими качествами заслужили их доверие, и местные стали для нас очень близкими и родными.

Когда мы вернулись в аул Кызыл-Покун в 1958 г., в нашем доме жили переселенцы. Они не уступили нам наш дом, и мы выкупили его.

Вот такое большое несчастье и большие потери претерпел наш карачаевский народ!» (Из воспоминаний Азрета Хамидовича Байрамукова.)

«Народ-предатель»: злой навет

Всем известно о кровавом навете на евреев, что веками питал ненависть по отношению к ним. Но в XX в. злобым наветам подверглись и другие народы, обвинённые

в предательстве. Среди них чеченцы, и не они одни. Для любого вменяемого человека очевидно, что весь народ не может быть предателем. Чеченские коллаборационисты, число которых было неизмеримо меньше, нежели русских и украинцев, были разгромлены ещё в 1943 г. Никаких объективных военных причин в 1944 г. вывозить целый народ не существовало. Ясно, что это плод, с одной стороны, параноидальной подозрительности вождя, а с другой — циничной имперской политики, построенной на принципе «разделяй и властвуй».

Но после смерти вождя настали хрущёвские времена — и чеченцы были «прощены». Тем, кто уцелел, разрешили вернуться из ссылки на родину. Но их дома к тому времени оказались заняты переселенцами. С 28 по 31 августа по республике прокатились чеченские погромы. (Подобная ситуация возникла в послевоенной Польше, где чудом уцелевшие жертвы Холокоста попытались вернуться в родные дома, но попали из ада в ад.)

Здесь поражают два обстоятельства. Дома коренных жителей были немедленно освобождены переселёнными в них евреями и грузинами. Более того, нетронутыми оказались и вещи. Генетическая память народов, в прошлом подвергавшихся депортации, предопределила их поведение. Они рассматривали свои жилища как временные обиталища. Увы, не все проживавшие в домах депортированных люди имели в прошлом такой трагический опыт. Они-то, отстаивая своё право на проживание по месту назначения, и устроили погромы.

Чеченских детей прятали у себя еврейские женщины!

Но обратимся к воспоминаниям непосредственных свидетелей тех событий. Сразу оговоримся, что таковых почти не осталось, но живы их дети. Проблема заключается в том, что, как я уже говорил,

родители крайне редко делились с ними сокровенными переживаниями трагических страниц жизни, поскольку за такие разговоры можно было поплатиться свободой, получив срок за антисоветскую агитацию и пропаганду. В буквальном смысле гробовое молчание взрослых было своего рода техникой безопасности не только в Чечне, но на всём пространстве СССР.

Ведь КГБ секретным указом Президиума Верховного Совета СССР получил право выносить гражданам официальные предостережения. В инструкции по применению этого права перечислены основания: от распространения политически вредных измышлений в устной форме до контактов с иностранцами, «если характер и форма этих контактов даёт основания полагать возможное использование их во враждебных целях». Признак «враждебных действий»: прослушивание передач зарубежного радио, восхваление западного образа жизни, увлечение идейно-политической литературой, рассказ политических анекдотов, сбор биографических сведений о лицах, необоснованно репрессированных в прошлом, контакты с иностранцами, приобретение литературы у них... Всего 19 пунктов.

Так сознательно отрезалась историческая память. А вместе с нею и поразительные примеры духовного величия людей, принадлежавших ко всем без исключения народам нашего многонационального Отечества. Возвращаться к этим неудобным сюжетам нашей недавней истории необходимо не для того, чтобы сладострастно «бередить старые раны».

Тут уместно вспомнить диалог между Господином П. и Князем Н из «Театрального разъезда» Н. В. Гоголя. Они обсуждают только что просмотренную пьесу. Первый сетует на автора, который, мол, «бередит наши раны». А второй ему отвечает: «Возьми их себе. Пусть они будут твои, а не мои раны! Что ты мне их тычешь...»

С детьми надо разговаривать честно. Молчащее поколение проигрывает свою историю, а значит, и будущее. Тем ценнее воспоминания, записанные Хож-Ахмедом Султановичем Халадовым.

Немного из жизни моего отца

«Жизнь моего отца, Султана Муцуевича Халадова, была очень сложной и познавательной. Его истории не оставляли равнодушным никого. Так получилось, что в период выселения чеченцев и ингушей в 1944 г. ему было всего лишь несколько месяцев. Какие-то эпизоды из того времени кажутся немыслимыми, фантазией психически больного.

Несколько эпизодов.

По его рассказам, ему приходилось всегда учиться “вопреки”. У ссыльного народа, проживающего на территории Средней Азии, подчиняться советской власти, особенно в прилежной учёбе, не приветствовалось. В силу обстоятельств проживание в Казахстане на период ссылки оказалось для него весьма неудачным. Он находился в населённом пункте, далёком от местонахождения близких родственников, и рос в семье дальних. Со слов отца, еду давали и пускали в школу, если только он продаст ведро семечек. Причём, как правило, посещение школы сопровождалось вынужденными драками с ровесниками, которые не разделяли его тягу к учёбе, и зачастую становилось прямо таки героическим поступком. Школа находилась в нескольких километрах от дома, и однажды он попал в снежную бурю, а зимы в Северном Казахстане лютые. Одежда и обувь были лёгкие, а сапоги так и вообще рваные, и из них торчали пальцы. Но вот какая-то сердобольная женщина заметила его в таком виде и завела к себе. К сожалению, я не помню, кто она была по национальности. Обогрела, накормила и помогла с обувью.

Мой отец всегда ждал показа фильма “Уроки французского” (киноповесть режиссёра Е. Ташкова, снятая по мотивам одноимённого рассказа В. Распутина. “Мосфильм”, 1978. — Прим. ред.). Говорил, что это кино про его жизнь.

У чеченских мужчин не принято проявлять чувства, тем более между отцом и сыном, но просмотр этого фильма всегда сопровождался слезами на глазах.

С годами пришло понимание, что его рассказы практически всегда имели определённую цель и каждый эпизод был точечный, направленный преимущественно на моё воспитание.

* * *

В детстве особая любовь к математике приводила моего отца к стремительному развитию. Его несколько раз переводили раньше срока на класс выше, и как итог — к 20 годам за плечами были окончанные школа, училище и институт.

Для меня поучительна одна история, которая произошла с отцом в юношеские годы. Своё обучение после возвращения семьи из депортации он продолжил в училище, которое находилось в Грозном. Кажется, оно было педагогическим. Пока он учился, жил у родственников в посёлке Мичурина, на окраине города. Вновь вернувшиеся чеченцы и ингуши сталкивались с большими трудностями. В их домах жили люди других национальностей, переселённые из других республик. Многие аспекты плана по возвращению репрессированных в родные места властью были не продуманы, и обстановка в республике быстро накалялась. Из рассказов очевидцев того времени и опубликованных источников видно, что процесс возвращения домов и имущества происходил по-разному. В большинстве своём грузины сразу вернули чеченцам и ингушам всё, что прежде им принадлежало. Евреи в основном сохранили и вернули скarb вайнахов.

Мне часто приходилось слышать истории о том, как старцы из этих народов завещали беречь чужой скarb и не посягать на него, объясняя, что коренные жители обязательно вернутся, что всё их имущество им надо бу-

дет вернуть. Так вот, к концу лета 1958 г. обстановка в Грозном стала напряжённой и привела к так называемым августовским грозненским погромам.

Есть официальная версия произошедшего, но я обращаюсь к услышанным рассказам. Причиной начала всех событий стало убийство на танцах в районе химзавода. Конфликт произошёл с приехавшим в отпуск моряком. Дальнейшие события в связи с напряжённой обстановкой происходили стремительно. Массовые акции, призывы, листовки, погромы и как итог — много жертв. Во многих материалах говорится, что погибших было двое и несколько раненых, однако старики — свидетели событий — рассказывали, что толпа людей не прислушалась к призывам разойтись и огонь был открыт на поражение. Жертв было много. Отец говорил, что в один из дней возвращался домой (к родственникам, где он жил) и попал в апогей погромов и протестов. «Нам, нескольким молодым людям, пришлось разбегаться в стороны, спасаясь от разъярённой толпы. Я побежал через Сунжу (название реки) в сторону Московской улицы — там находилась еврейская слобода. Не помню, сколько пришлось бежать, но одна взрослая женщина, понимая ситуацию, затащила меня в дом со словами: «А ну-ка, сынок, иди сюда», — вспоминал отец. Там он смог немного отдышаться. И она, не дожидаясь погоны, повела его через сады и дворы. Слобода была устроена так, что имела возможность переходить из дома в дом. И с Московской улицы буквально через несколько минут она его вывела к району трамвайного парка, а это было уже безопасное место. В те дни, говорил отец, многие погибли и были ранены. Порой прямо на мосту людей ловили, били ножами и сбрасывали в реку. К сожалению, я не знаю, встречался ли в дальнейшем отец с этой женщиной-еврейкой, нашёл ли он её? Увы... Но я очень благодарен ей за его спасение».

* * *

Такие вот бесценные свидетельства подлинного человеческого поведения вопреки бесчеловечным обстоятельствам. На него способны люди разных чинов и званий, творческие и не очень, образованные и малограмотные, простые карачаевские и еврейские женщины. Но с образованных спрос особый, поскольку они, обладая мощным интеллектом и глубоко-

ми профессиональными знаниями, в состоянии, трезво оценив ситуацию, принять верное, человеческое решение. В этой связи мне представляется, что нынешние сумерки просвещения не в последнюю очередь связаны с падением профессионализма. **НО**

The Acquisition Of Good (Chapter From The Book By E. Yamburg “Tragic Optimism”)

Evgeniy A. Yamburg, Director of Moscow School No. 109, honored teacher of the Russian Federation, doctor of pedagogical Sciences, Academician of the Russian Academy of Education

Abstract: *In this context, the term “acquisition” is understood not in the everyday sense (acquisition — the acquisition of wealth and the pursuit of material values), but in the religious (acquisition of grace), in the secular interpretation as the acquisition of good. We are talking about the formation of empathy, tolerance, those very qualities of a person, without which it is impossible to imagine a mature personality. Since the term “tolerance” is not held in high esteem by us, then we can use the term “generosity” or the very worldwide openness that Dostoevsky spoke about in his Pushkin speech. In addition, the article deals with the moral choice of each individual, which is always possible, even in the most unbearable circumstances.*

Keywords: *acquisition, empathy, tolerance, generosity, moral choice, the Leningrad blockade, the Great Patriotic War.*